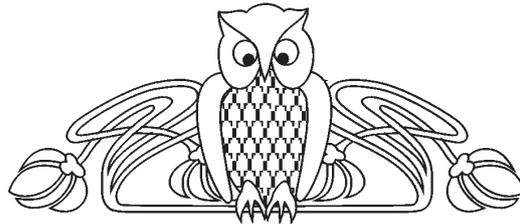




Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 116–120
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 116–120

Научная статья
УДК 821.161.1.09-94+929Егоров
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы



Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Б. Ф. Егоров – ученый-филолог, чья творческая деятельность тесно связана с Саратовским университетом, придавал очень важное значение дневникам и мемуарам как важнейшим источникам реконструкции не только исторических событий, но и восхождения духовной биографии целых поколений. В статье анализируются жанровые принципы мемуаристики Б. Ф. Егорова.

Ключевые слова: Егоров, мемуаристика, жанровые принципы, документальность и эмоциональность, «плутарховы пары»

Для цитирования: Елина Е. Г. Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 116–120. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

The memoirs of B. F. Egorov: Principles of the genre

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. B. F. Egorov is a philologist and a scientist whose creative work is closely related to Saratov University; he attached great importance to diaries and memoirs as the most important sources for the reconstruction not only of historic events, but of the revival of spiritual biography of entire generations. The article analyzes the genre principles of B. F. Egorov's memoirs.

Keywords: B. F. Egorov, memoirs, genre principles, non-fiction and sensibility, 'Plutarch's pairs'

For citation: Elina E. G. The memoirs of B. F. Egorov: Principles of the genre. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 116–120 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Борис Федорович Егоров – это огромная эпоха для нашей науки и огромная эпоха в жизни Саратовского университета. Мне теперь кажется, что Борис Федорович обратил внимание на нашу кафедру, когда в 1988, а затем в 1991 г. вышли наши сборники, посвященные истории и теории литературной критики¹. Валерий Владимирович Прозоров, создавший в 1984 г. кафедру истории критики и теории литературы, посчитал необходимым подвести первые итоги нашей научной и образовательной деятельности и пригласил к участию в сборниках практически всех, кто тогда занимался близкими проблемами. Второй сборник открывался ответами на вопросы анкеты о современном состоянии и перспективах изучения литературной критики, где самыми первыми были размещены ответы Б. Ф. Егорова.

Не было ни одной монографии или учебного пособия, изданных преподавателями нашей кафедры, на которые бы Борис Федорович не откликнулся письмом, открыткой, телефонным звонком. Он не раз украшал защиты наших диссертаций своими яркими выступлениями, каждое из которых имело самостоятельную научную ценность. В двухтысячные годы он все чаще и чаще приезжал в Саратовский университет с докладами и лекциями, и наши встречи всегда были праздником. У каждого из нас (как нам казалось) сложились свои, отдельные отношения с Борисом Федоровичем. Он не просто нас различал, но хорошо знал, кто и чем занимается, иногда давал очень конкретные советы: посмотреть какое-то издание, обратить внимание на чье-то имя. Думаю, Борису Федоровичу было комфорт-



Фото Е. Сягиной

но среди нас не только потому, что он любил Саратов, родился в Саратовской области, был хорошо знаком с нашими учителями и учителями наших учителей, но и потому, что, приезжая в Саратов, он попадал в атмосферу безоговорочного обожания.

Его приезды, понятно, не обходились без застолий, иногда беглых и необходимых, чаще – подробных и располагающих к неторопливым разговорам. В разные времена и в разных ситуациях Борису Федоровичу на Саратовской земле предлагались и скромные закуски типа картошки с селедочкой, и что-то более значительное и разнообразное. Но что бы ни стояло на столе – все вызывало неподдельное восхищение нашего дорогого гостя. Борис Федорович был щедр в своих похвалах, направленных на каждого из нас и на все то, из чего, собственно, застолье состояло.

Между тем, конечно, не содержание стола, а содержание разговоров всегда оказывалось главным. Борис Федорович был человеком мемуарным. Его память сохраняла десятки тысяч историй, связанных с его собственной жизнью и судьбами очень многих (нередко великих) людей. Путь Б. Ф. Егорова в науку не был линейным, и его богатая биография со сменой специальности, географическими перемещениями, переменами мест работы, конечно, предполагала разнообразие встреч и впечатлений. Однако далеко не каждый в состоянии этот калейдоскоп событий и людских поступков запомнить, осмыслить и превратить в законченное повествование.

Б. Ф. Егоров придавал очень важное значение дневникам и мемуарам как важнейшим источникам реконструкции не только исторических событий, но и воскрешения духовной био-

графии целых поколений. Вот почему ученый стал автором двух мемуарных книг², хотя мемуарных публикаций он оставил гораздо больше. К сожалению, устные воспоминания Б. Ф. Егорова никто из нас не фиксировал, да и странно было бы в доверительном застольном разговоре или во время длительной пешей прогулки включать диктофон.

«Люди очень разные. А разные жизненные судьбы и разные жизненные события еще больше дифференцируют и разделяют свойства. Но есть две противоположные крайности по отношению к личной истории, хотя их причины могут быть самые различные. Одни люди принципиально зачеркивают память, не хотят вспоминать, не хотят посещать знаменательные места своей молодости. Другие – наоборот. Я горжусь своей принадлежностью к последним. И очень тоскую из-за колоссального провала не только коллективной, но и личной памяти в нашей стране после 1917 года»³, – это была принципиальная исследовательская позиция Б. Ф. Егорова. Личная история человека, по мнению ученого, становилась неотъемлемой частью истории гражданской. Такое последовательное убеждение Б. Ф. Егорова в самоценности каждого человека, в исторической важности любой биографической детали, высказывания, поведения позволило ему написать монографию о Ю. М. Лотмане⁴, по полноте представленных материалов и концептуальной целостности пока никем не превзойденную. И хотя эта книга, как и все труды Б. Ф. Егорова, строится на прочном научном фундаменте – архивных разысканиях, анализе разнообразных публикаций, эпистолярной, – мемуарная нота и здесь становится отчетливо слышна.



Мемуаристика Б. Ф. Егорова уже получала рецензентские отклики⁵, а в дальнейшем она обязательно станет предметом специальных исследований. Задача этого краткого очерка – попытаться определить основные специфические черты, принципы, характерные для мемуарного жанра, ставшего сюжетообразующим в творческом наследии ученого.

Один из важных принципов мемуаристики Б. Ф. Егорова связан с диалектикой точности, абсолютной документальности воспоминаний, требующих вполне определенных указаний на фамилии, имена, даты, события, и разнообразными возможностями изложения всей этой фактуры, зависящими от эмоционального настроения автора. Ссылаясь на одного из своих старших собеседников, Б. Ф. Егоров приводит его слова: «Наша эпоха отучила нас от мемуаров»⁶. И сам Б. Ф. Егоров рождает очень важный афоризм, явившийся посылом к многим страницам его мемуарных книг: «Родился я в хорошей семье в нехорошее время»⁷. Этот афоризм мог бы быть предпослан в качестве эпиграфа к обеим мемуарным книгам. К счастью, свои воспоминания автор публикует в другие времена и может позволить себе откровения, однако даже здесь, говоря, скажем, о послевоенном ленинградском филфаке, касаясь историй, связанных с другими людьми, он нередко прибегает к эвфемизмам, намекам, аллюзиям, рассчитывая на посвященного читателя.

Еще одна важная черточка мемуаристики Б. Ф. Егорова – его намеренный уход от выражения эмоций по поводу тех или иных событий. Сам он объясняет это тем, что процесс воспоминаний заставляет заново и очень живо переживать человеческие потери: «Поэтому заранее признаюсь: все или почти все современные личные ощущения буду “выносить за скобки” и оставлять их для себя и про себя (хотя полностью от них не освободиться!)»⁸.

В своих воспоминаниях, живых и трогательных, Б. Ф. Егоров остается ученым-филологом и историком. По страницам его книг рассыпаны комментарии к отдельным событиям, но постепенно эти комментарии начинают выходить за пределы самого события. Эта рефлексия позволяет автору подняться над эпизодом и дать своего рода методологические ключи к пониманию важнейших гуманитарных категорий и явлений. Размышления Б. Ф. Егорова о закономерности случайного, о соотношении «Я» и «Другой», раздумья об уникальности человека и – одновременно – его типичности вплетены в текст воспоминаний, открывая новые грани авторского мировоззрения. Б. Ф. Егоров демонстрирует неприятие советской ментальности в желании переделать природу, он отрицает «культ классово избранности и ненависти, шпиономанию и культ доносительства, пропаганду военной дисциплины и рабскую предан-

ность начальству, особенно самому высшему, вплоть до вождя всех народов товарища Сталина»⁹. В мемуарных книгах мы находим важные для автора мысли о мнимом и истинном патриотизме, об антисемитизме и космополитизме, о гуманизме и мужестве. Б. Ф. Егорова волнует отражение мировоззренческих и психологических особенностей ученого в его научных трудах, монологизм и диалогичность в процессе коммуникации, в том числе научной. Так цементируется важнейший концептуальный элемент мемуаристики Б. Ф. Егорова: от изложения эпизода к комментарию-рефлексии.

Важным принципом мемуаров Б. Ф. Егорова становится принцип логических взаимосвязей начала, продолжения и завершения жизни. Как правило, лучшие качества своих любимых персонажей автор выводит из их детства. Поэтому неслучайным мотивом в мемуарном наследии Б. Ф. Егорова оказывается мотив семейного воспитания и его воздействия на дальнейшую жизнь и поведенческие стратегии человека. Автору важно показать, что именно семейное воспитание помогает человеку сохранить в себе высокие человеческие качества, сделать достойный выбор в непростых условиях, не отступить от благородных целей.

Воспитанность, интеллигентность, умеренность и сдержанность в выражении чувств автор воспоминаний ценит выше многих других качеств. При этом он может восхититься или возмутиться необузданными порывами, всплесками эмоций (в воспоминаниях, посвященных отцу жены – Софьи Александровны, описание мужа Груни в семейных воспоминаниях), но такие выходящие за пределы нормы душевные порывы автору мемуаров явно не близки.

Мотив семейного воспитания, оказавшийся одним из центральных в мемуарах Егорова, сопрягается с мотивом профессионального воспитания студентов. Для мемуариста очень важно, что и в Тарту, и в Ленинграде-Петербурге ему и его коллегам удалось развить традиции петербургской профессуры в ее взаимоотношениях со студентами. Демократизм отношений, расширение сферы влияния на студентов за счет внеаудиторных встреч, приглашение студентов домой, возможности широко пользоваться профессорскими библиотеками наряду с научными и публичными, обсуждение исследовательских тем с выходом к свободным темам вплоть до политических – все эти качества общения преподавателей и студентов позволяли создавать подлинно научные школы. Егорову, как и Лотману, были очень близки люди, способные демонстрировать «сочетание творческой интенсивности в работе с экстенсивностью интересов»¹⁰.

Отдельные воспоминания Б. Ф. Егорова, обращенные к людям разных возрастов и привычек, складываются в устойчивый лейтмотив. На страницах книг рассказана история поколе-



ния – тех современников, кому в силу возраста не пришлось воевать, но кто сполна испытал на себе военные невзгоды, на чью долю выпали памятные меты времени: карточная система, послевоенное полуголодное существование, безденежье, поздние сталинские репрессии, борьба с космополитизмом, чудовищные унижения, выпавшие на долю российских ученых. В этих условиях трудно было сохранять неизменную порядочность, и всякий раз, делая единственно правильный выбор, не предавая учителей, оставаться в профессии. Рассказывая о себе, автор не приуменьшает и не преувеличивает своих человеческих возможностей и своей значимости в каждой отдельной ситуации. Он старается быть объективным в оценке собственных достижений и потерь, не пытаясь создать глянецовый образ нравственно безупречного с точки зрения большой истории человека.

То неожиданное выступление, то красноречивое молчание молодого филолога Егорова, то его отказ от сотрудничества, то, наоборот, активная поддержка новой науки (как в случае с Лотманом) становятся значимыми подробностями в автобиографическом рисунке. Отказываясь от привычных для мемуарного жанра котурнов, Егоров вполне по-житейски объясняет импульсы своих действий, и читатель понимает, что взросление главного героя мемуаров было сопряжено с огромными усилиями по формированию последовательной мировоззренческой позиции, тех умонастроений, которыми и определялись вполне конкретные поступки.

Поколенческая парадигма как один из весомых принципов мемуаристики Б. Ф. Егорова явлена и в том, что автор мемуаров не равен самому себе в детские, юношеские и зрелые годы. Это человек, меняющийся под влиянием людей, обстоятельств, исторических и политических катаклизмов. Взросление и становление автора мемуаров проходит в диалектической взаимосвязи двух его основных интересов: тяги к литературе, к чтению и бесконечного интереса к небу, к полетам, к техническим новшествам. Чувство полета, испытанное во время спуска с горы на лыжах, трехметровый полет при прыжке через спортивный снаряд, полеты во сне (в отчем доме) и наяву, на аттракционах, – все это давало незабываемые ощущения и формировало характер.

В мемуарной прозе Б. Ф. Егорова постоянно наплывает, вторгается в сухие строчки воспоминаний нечто возвышенное, чувствительное, порой сентиментальное. Рассказывается эпизод, связанный с рождением автора в мае 1926 г.: мама несет на руках новорожденного, «сквозь ряды бушующей сирени». Важен комментарий к этой детали, определившей дальнейшую судьбу ребенка. Сирень становится символом его «житейского оптимизма», биографической вехой, которая всегда будет ассоциироваться с бескомпромиссным счастьем.

Рассказывая «о времени и о себе», делая объектами мемуаров великих и знаменитых, посвящая многие страницы книг ученым-филологам разных поколений, Егоров много пишет о человеческих чувствах и переживаниях. Прекрасны и вдохновенны его признания в любви к своей жене Соне, памяти которой посвящена вторая книга мемуаров, к близким ему людям, к тем, кто определил его путь в науке, к родителям. Сочетание романтических и технических устремлений молодого человека стало символом поколения, которое представляет Б. Ф. Егоров, а углубление оптимистического, вдохновляющего начала воспринимается как яркая индивидуальная черточка.

И в опубликованных мемуарах, и в устных воспоминаниях Егорова, где центральное место отводилось филологам и филологии, всегда было очень много бытовых деталей и подробностей. Именно Б. Ф. Егоров стал одним из первых, кто в нашей стране обратился к популярному нынче научному направлению, названному «историей повседневности». Что ели и пили, как были устроены комнаты, как и где стояла мебель, как развлекали детей, какие книги им читали и какие сказки рассказывали, о чем говорили взрослые за столом, как принимали гостей и какие шарады загадывали в доме у Лотманов – все эти приметы быта щедро воссозданы в воспоминаниях. В мемуарах даже появляется глава «Еда и питье», в которой представлены такие важные для ребенка детали предметного мира, как порция мороженого, оформленного двумя вафельками, или впервые увиденное и отведанное на южном курорте эскимо, любимое мамино какао, жареная картошка с добавлением кусочков сала... Домашняя медицина и домашние уроки труда, осенние заготовки и скромная библиотека в доме Егоровых, быт семьи Николаевых и тесный чуланчик, в котором начиналась семейная жизнь автора, а еще сны, школьные шалости и проделки, математические задачи и увлечение химией – столь подробный мир вещей, явлений, событий позволяет автору мемуаров быть скрупулезно точным в изображении эпохи.

Если бы не Б. Ф. Егоров, мы бы никогда не получили законченного, вписанного в конкретно-исторический контекст портрета Ю. М. Лотмана. Как они с Зарой Григорьевной почти ежевечерне собирали ближний круг друзей, как жили в вечном безденежье, и не только потому, что были большие домашние траты, но и потому, что постоянно материально кому-то помогали, как Егоров и Лотман защитили права старушки и освободили ее комнату от огромного шкафа – обращение к исторической повседневности можно определить как знаковый принцип мемуаристики Б. Ф. Егорова.

Б. Ф. Егоров, всегда очень живой, теплый в общении, источник не только вполне законченных, приобретавших канонический характер ме-



муаров, но и всяческих баек, росказней, побасенок, любивший шутку, ценивший ее, активно пользуется шуткой, иронией, стилевыми перебивками и вкраплениями слов из другого стилевого контекста в текст мемуаров. Запоминаются его словечки, которые появляются в изложении любовных перипетий: «Мама была смущена такой оперативностью»¹¹ (о брачном предложении отца); «У Сони сердце не было свободным, однако моя активная натура в решительных боях победила»¹²; «И мы оба оказались на тяжкой нравственной высоте: оба прекрасно поняли моральную опасность углубления нашей дружбы в сладостно-страшную область»¹³. Эти егоровские «отзывно», «неизбычно», «суетный вокзал», «битковая аудитория» становятся не только свойствами стиля, но своего рода метами характера. Такие элементы художественной образности становятся важной жанрово-стилевой чертой мемуаров Б. Ф. Егорова.

Еще одной особенностью мемуаристики Егорова является его стремление к сопоставлениям и противопоставлениям двух характеров. Сам мемуарист называет такой подход «сопоставление по контрасту»¹⁴, когда получается некая «плутархова пара». Исследовательский опыт сопоставления Гоголя и Булгакова, Боткина и Герцена, Добролюбова и Чернышевского, братьев Бахтиных, Бахтина и Лотмана Б. Ф. Егоров продемонстрировал в книге «От Хомякова до Лотмана»¹⁵. Однако и на страницах мемуаров тоже нередко возникают такие параллельные портреты, главный из которых – двойной портрет А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана.

Филологическое начало егоровских мемуаров подчеркнуто не только основным предметом изображения – миром филологов, их судьбами и отношениями, их восприятием происходящих событий и оценками друг друга. В стилевую ткань текста воспоминаний органично вплетаются мотивы из художественных текстов и аллюзии к произведениям русских писателей: «А пока не оборвалось – надо жить, надо трудиться»¹⁶; «История – хорошая хозяйка, она все аккуратно расставляет по местам»¹⁷.

Автор мемуаров время от времени формулирует концептуальные основания своих воспоминаний, среди которых главенствующую позицию занимает принципиальный отказ от так называемого «культурного лицемерия», доля которого неизбежна в традиционной мемуаристике.

К обозначенным чертам мемуарного жанра, избранного Б. Ф. Егоровым, относится, безусловно, и принцип самого выбора объектов для воспоминаний. Перечень людей, ставших героями мемуарных книг Б. Ф. Егорова, свидетельствует о том, что наука в его сознании никогда

не делилась на столичную и провинциальную. Величие ученого-литературоведа заключалось, прежде всего, в его исследовательских методах, в поисках новых смыслов, в формулировании новых, но всегда глубоко доказательных идей. Презрение к рудиментам «культурного лицемерия» позволило Б. Ф. Егорову оценивать ученых-литературоведов еще и с мировоззренческих, психологических, личностных позиций. Преодоление идеологической заикленности, националистических шор, острой зависимости от обстоятельств и сильного мира сего – эти качества коллег, учителей и учеников, с которыми Б. Ф. Егоров связал свою жизнь, для него не менее важны, чем плодотворная филологическая мысль. Радостно сознавать, что в ряду любимых героев мемуаристики Б. Ф. Егорова оживают портреты ученых, связавших свою жизнь с Саратовом: А. П. Скафтымова, Ю. Г. Оксмана, Т. И. Усакиной, Ю. Н. Чумакова.

Их труды, их биографии, их светлые образы, возможно, были тем магнитом, который притягивал Б. Ф. Егорова к нашему городу.

Примечания

- 1 См.: Русская литературная критика : История и теория : межвуз. науч. сб. / редкол. : В. В. Прозоров (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988 ; Русская литературная критика : Исторические и теоретические подходы : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
- 2 См.: *Егоров Б.* Воспоминания. СПб. : Нестор-история, 2004 ; *Егоров Б.* Воспоминания-2. СПб. : Росток, 2013.
- 3 *Егоров Б.* Воспоминания. С. 9.
- 4 См.: *Егоров Б.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М. : Новое литературное обозрение, 1999.
- 5 См.: *Кривонос В.* Человек в истории. Рецензия-обзор на: *Егоров Б. Ф.* Воспоминания / С.-Петерб. ин-т истории РАН. СПб. : Нестор-История, 2004. 427 с. : ил. // Вестник Удмуртского университета. Серия : Филология. 2006. № 5 (1). С. 172–175.
- 6 *Егоров Б.* Воспоминания. С. 10.
- 7 Там же. С. 14.
- 8 Там же. С. 11.
- 9 Там же. С. 192.
- 10 Там же. С. 259.
- 11 Там же. С. 54.
- 12 *Егоров Б.* Воспоминания-2. С. 51.
- 13 Там же. С. 255.
- 14 Там же. С. 143.
- 15 См.: *Егоров Б.* От Хомякова до Лотмана. М. : Языки славянской культуры, 2003.
- 16 *Егоров Б.* Воспоминания. С. 14.
- 17 Там же. С. 278.

Поступила в редакцию 16.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 16.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020